

УДК 1 (091)

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
ИДЕЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРАВА КАНТА
В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»
ПУШКИНА**

Л. А. Калинин*

Аргументировано влияние философско-правовых идей Канта на А. С. Пушкина в ходе его работы над трагедией «Борис Годунов». Мысль Канта о том, что народ – это единственный монарх, носитель законодательной власти в государстве, построенном на принципах права, является основополагающей идеей трагедии. Во время создания «Бориса Годунова» А. С. Пушкин изучал «Критику способности суждения» Канта, а также знакомился с рядом работ, посвященных его гносеологической теории. В трагедии он не только сам руководился государственно-правовой идеей – кантизмом, но и стремился сделать ее абсолютно очевидной: лишь народ – правитель, только он источник всей полноты государственной власти и единственный носитель власти законодательной. Беда народа в том, что он этого не осознает, и обязанность образованного сословия сделать это народу известным, учить и воспитывать его. Вне этого народного самосознания нет и не может существовать права как такового – есть только деспотизм, только тирания.

Ключевые слова: *принципы государственного права, монарх, «Метафизика нравов» И. Канта, гносеология искусства, трагедия «Борис Годунов».*

Художественный язык сам по себе никогда не бывает адекватным выражением того, что он передает; главное в искусстве – заключенное в нем невысказанное содержание.

*Альберт Швейцер.
Иоганн Себастьян Бах*

Уже много было сказано о том, что А. С. Пушкин не просто мог быть знаком, но *был знаком* с основополагающими идеями системы великого кёнигсбергского философа. Доказательства этого год от года ширятся; правда, скептиков это все равно не убеждает, и они твердят, что имя Канта появляется на исписанных пушкинской рукой страницах лишь как дань моде, случайно, без сколь-либо серь-

---

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 23.10.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-1

© Калининков Л. А., 2016

езных оснований. Например, рецензент моей монографии «Кант в русской поэзии» (Марков, 2009, с. 354–356) утверждает, что Кант упомянут в лицейских стихах

Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе
Фольянт над фолиантом? (Пушкин, 2001, с. 26)

лишь для красного словца, всуе, а вовсе не потому, что при изложении нравственной философии Канта профессора, как правило, обращаются к сравнению ее со стоической теорией морали. Лицейские профессора вряд ли были здесь исключением. Может, конечно, при этом всплыть имя Зенона-стоика или Посидония, но Сенеки или Марка Аврелия — все же вероятнее, поскольку это латынь, язык учебный, а «Нравственные письма к Луцилию» и «Наедине с собой» — неперенные источники учебных текстов. Пара имен — Кант и Сенека — образует довольно устойчивое в таких ситуациях сочетание, где ведущая роль принадлежит Канту: идеи Сенеки не станут пояснять Кантовыми идеями, обратное же происходит постоянно. Нужно, конечно, учитывать, по-моему, и тот факт, что при перечислении фолиантов Пушкину надо было показать всю историческую широту лицейской программы, и знаменательно, что современность представлена не кем иным, как Кантом. Если бы для многих лицеистов не было естественным иметь книги Канта, поэт не стал бы его упоминать. В их студенческой жизни значение Канта явно превосходило значение, например, Фихте или Шеллинга и менее известных и, главное, имеющих меньшее влияние в университетской жизни Европы, а следовательно, и России.

Я уже имел возможность отметить значение для Пушкина и его друзей-лицеистов профессора-кантианца Александра Петровича Куницына, читавшего лекции по юриспруденции. Пушкин слушал его курсы энциклопедии права, права естественного, гражданского права. По двум последним курсам он сдавал выпускные экзамены (Томашевский, 1956, с. 675, 678). Царскосельский лицей готовил своих выпускников к государственной службе и давал им универсальное и особенно основательное юридическое образование.

Именно поэтому проблемы функционирования государства, неотъемлемые от проблем политики, права и морали, были в центре внимания поэта на протяжении всей его жизни и составляли движущий нерв его творчества. Разумеется, сама жизнь русского общества делала эти проблемы центральными в его — общества — социально-политическом и духовном бытовании. Выпускник лицея оказался в этом отношении очень хорошо подготовленным.

1. Второй, основной, этап духовного развития А. С. Пушкина

Те два или два с половиной года после выхода из лицея, а затем годы южной и михайловской ссылки были периодами стремительного духовного созревания в резко расширившемся круге общения бывшего лицеиста. Следствием этого расширения стала определенная внутренняя переориентация сознания поэта, начатая еще в лицее, с культуры французской на англо-германскую. Может быть, эту мысль нужно выразить несколько ос-

торожнее и говорить не столько о переориентации, сколько о существенном дополнении интересов, поскольку лицей внес кантианскую закваску в сознание поэта и в то же время мысли о событиях и особенно последствиях Французской революции продолжали занимать его. И в годы ссылки он продолжал изучать книги французских историков революции, анализировавших ход великого события, и мыслителей, обдумывающих его результаты. Тем не менее люди с душою «геттингенской» в ближайшем окружении поэта стали превалировать, и этот перевес сохранился как в Одессе, так и в Кишеневе и в дальнейшем только рос.

Пушкин сам отмечал происходившие изменения. Особенно определенно он пишет об этом в послании «Чаадаеву» (1821 года):

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще не знаемый никем,
Не зная ни забот, *ни цели, ни систем,*
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени (Пушкин, 2001, с. 131–132).

Я выделил здесь курсивом два стиха, ясно говорящие о направлении происходивших перемен в душевном строе и самом содержании сознания их автора. За семь лицейских лет, особенно за годы после Отечественной войны 1812 года, просвещение ушло вперед, надо было наверстывать упущенное. Модными за это время стали новые имена, новые знания, новые книги. Произошло то, что в наиболее образованных кругах русского общества начало формироваться критическое, более трезвое отношение к французскому Просвещению как духовному движению, вызвавшему столь мощные и разнонаправленные социальные потрясения, перетряхнувшие феодальную Европу, что однозначной оценке они никак не поддавались. На эту оценку начало накладываться своя печать кантианство и выросший из него немецкий трансцендентальный идеализм. Помимо самого Канта заявили о себе Фихте, Шеллинг, несколько позднее Гегель и их многочисленные поклонники. Классицизм и так называемый просветительский реализм сменились в искусстве романтизмом. Романские духовные приоритеты поменялись на англо-германские.

Все это надо было узнать, осмыслить, суметь сориентироваться в новой обстановке, о чем Пушкин и сообщает старшему другу, давно приобщившемуся к европейской моде. Обращает на себя внимание отмечаемая по этому необходимости обстоятельного знакомства с *системами* как новым в духовной культуре явлением. Действительно, философия эпохи Просвещения не носила системного характера. Системность и логическая последовательность в ней разрушалась фундаментальными противоречиями

двух родов. В онтологических основаниях просветительской философии это было противоречие между физической природой, подвластной механическим законам, сформулированным Ньютоном, и миром социально-разумным, человеческим, где ньютоновские закономерности и принципы были абсолютно бессильны. В гносеологических же основаниях зияла аналогичная непроходимая пропасть между эмпиризмом и рационализмом. Оба эти противоречия разрешались в философской системе Канта. Именно этим великим кенигсбергским профессором и мыслителем была построена *первая действительная система философии*. Необходимость для философии быть системной провозглашена в «Критике чистого разума». За ним последовали и Фихте, и Шеллинг... Система стала идеалом философского построения. Кант и здесь был пионером, и здесь он совершил нечто в виде «коперниканского переворота». Мимо внимания Пушкина эта новость в философии, как видим, не прошла и заставляла возвращаться поэта к тому, что он знал о Канте и узнавать новое.

Теоретическая и практическая философия Канта обстоятельно рассматривалась в статьях и книгах французского историка философии Виктора Кузена, охотно знакомившего русскую публику с новейшими течениями в европейской философии. Статьи его печатали русские журналы, тома истории философии В. Кузена были в библиотеке Пушкина. Академик М. П. Алексеев, много сделавший для выяснения источников знакомства А. С. Пушкина с новейшими явлениями европейской культуры его времени, писал о нем: «Французский философ-электик Виктор Кузен (1792–1867) пользовался в России широкой известностью в 20–30-е годы. В "Московском телеграфе" Кузена деятельно пропагандировал Н. Полевой, называвший его "первым профессором истинной философии во Франции" и печатавший в переводах отдельные лекции из его курса истории философии; лекции Кузена печатались также в "Атенее" М. Г. Павлова, отмечавшего, что он помещает их в своем журнале "с тем большим удовольствием", что "в бытность в Париже сам пользовался лекциями сего философа"; они рецензировались в "Московском вестнике". Кузеном и его трудами тогда же интересовались А. И. Кошелев, И. В. Киреевский, П. Я. Чаадаев и др.» (Алексеев, 1984, с. 408). Всё это люди из ближайшего окружения Пушкина, включая и редакторов журналов. Особенно активно переводились статьи и лекции по новейшей *немецкой* философии, а Кузен считал одной из своих заслуг знакомство французской и русской публики с философией Канта.

Пушкин тщательно изучал книги Жермены де Сталь «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями», «Рассмотрение основных событий Французской революции», «О Германии», которая многократно обращалась к Канту и с позиций его практической философии давала оценку событий Французской революции. Информация о Канте стекалась к нему разнообразными путями, а хорошо известно, как прочно такого рода сведения усваивались и систематизировались в его сознании. Об этом есть многочисленные свидетельства его современников.

Вообще 10–30-е годы XIX века были временем, когда в русском обществе имя Канта оказалось в первый раз модным, привлекавшим всеобщее внимание. Его философские идеи широко обсуждались, поскольку на фоне привычной галантной французской мысли звучали необычно ново; в журналах по их поводу разгоралась жаркая полемика, а нам хорошо известно, с какой страстью полемизируют наши соотечественники, особенно если предмет спора каким-то образом их хоть чуть-чуть касается.

2. Вопрос гносеологический, а не политический

Обычно исследователями творчества великого поэта не ставится в связь одновременность появления из-под его пера знаменитой трагедии «Борис Годунов» и небольшого и на ее фоне кажущегося совершенным пустяком философского стихотворения «Движение», названного Пушкиным в письме П. А. Вяземскому «эпиграммой». И не ставится напрасно, по-моему. Вяземский поместил его в издании, осуществленном М. Погодиным, под названием «Уrania. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности» (М., 1826). М. П. Алексеев, исследовавший историю появления стихотворения и разыскавший адресата эпиграммы, писал: «Очень вероятно, что о Зеноне и о выдвинутых им доказательствах против движения Пушкин знал еще из лицейских лекций А. И. Галича, тем не менее мы предполагаем, что непосредственным поводом для возникновения эпиграммы "Движение" явилась статья В. Ф. Одоевского, написанная им в четвертой части альманаха "Мнемозина" под заглавием "Секта идеалистико-элеатическая" и представлявшая собой отрывок из задуманного им "Словаря истории философии"» (Алексеев, 1984, с. 71). Он установил, что источником анекдотического факта был для Пушкина «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля, само наличие всех шестнадцати томов которого в его библиотеке, так же как и восьмитомной истории философии В. Кузена, говорит о его постоянном внимании к философии и немалой философской начитанности. Пушкин принял во внимание спорность в его время имени того мудреца, что прошелся перед Зеноном Элейским, поскольку Бейль писал, что им не мог быть Диоген-киник по хронологическим соображениям¹. Поэт в своей эпиграмме вообще обошелся без имен.

Что же вызвало несогласие Пушкина в оценке В. Ф. Одоевским заслуг элейской школы в философии? Почему статья его в «Мнемозине» заслужила эпиграмматический отклик? Смысл статьи-повода М. П. Алексеев изложил следующим образом: «С точки зрения Одоевского, Зенон своими доказательствами "приводил в затруднение защитников опытности"; в частности, парадокс о покое летящей стрелы казался ему хитроумным софизмом, в котором с издевательской целью доводились до явной бессмыслицы собственные аргументы противников древнего философа — ионийских эмпириков. Это была, так сказать, компрометация эмпиризма на самой заре европейской науки, как полагал Одоевский вместе со многими другими философами-идеалистами своего времени... Пушкин не разделял подобных воззрений...» (Алексеев, 1984, с. 77).

Приведем же саму эпиграмму:

Движение

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.

---

¹ Сейчас на роль этого мудреца претендует киник Антисфен (см.: *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 302, где этот анекдот изложен).

Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей (Пушкин, 2001, с. 196).

Алексеев считает, что Пушкин совершенно самостоятельно, «смело и неожиданно» переводит проблему в новую плоскость и «ставит один из самых существенных вопросов гносеологии» (Алексеев, 1984, с. 81). Мне же кажется, что наряду с фактическим источником эпиграммы, каковым Алексеев указал словарь Пьера Бейля, можно ставить вопрос и об *идейном* источнике ее и что таковым является гносеологическая концепция Канта.

Аргументами могут быть два обстоятельства. Первое заключается в том, что поэту была хорошо известна точка зрения Виктора Кузена: апории Зенона прекрасно разрешаются математическими антиномиями «Критики чистого разума». Кант, с его точки зрения, справился с задачей наилучшим образом из всех тех, кто к ней обращался. Вторым же таким обстоятельством является как раз пришедшаяся на 1819–1824 годы весьма острая дискуссия о философии Канта между Яном Снядецким и Василием Петровичем Андросовым в ведущем петербургском журнале «Вестник Европы», редактировавшемся М. Каченовским. Основой спора стали именно проблемы гносеологии. Полемика эта имела в русском обществе широкий отклик², обсуждалась даже в заседании Вольного общества любителей российской словесности. Пройти мимо внимания Пушкина эта широкая и громкая дискуссия никак не могла.

Начавший ее Ян Снядецкий в статье «Общие замечания по предмету науки об уме человеческом и общий взгляд на состав Кантовой науки» с позиций эмпиризма в выражениях не только не уважительных, но, как пишет В.П. Андросов, «со всею надменностию самоуверенности» и «унижая заслуги Канта и оскорбляя достоинство Любомудрия», по отношению к Канту даже грубо развенчивает незаслуженную славу. Например, один из сравнительно мягких пассажей гласит: «После того как Бэкон, Локк, Лейбниц, Даламбер и другие так хорошо объяснили способности и действия души, Кант поднимает из гроба неудовлетворительное учение Платоново; разрушает весь порядок и зависимость сил душевных, принимая простое мнение за доказательство; убирает оные силы прикрасами Схоластиков, давно уже от всех презренными; изобретает свое *absolutum*; способностям души приписывает какие-то влитые от природы а priori начала и виды, которых никто в себе не ощущает, никто даже постигнуть не может; одним словом, мешает мечтания и странности с простым, хотя впрочем недостаточным, учением Платона — вот в чем состоит его *сущность дела*» (Снядецкий, 1979, с.113).

В.П. Андросов с полным достоинством рассмотрел и отвел все критические претензии Снядецкого и показал, что Кант сумел разрешить казавшееся вечным противоречие эмпиризма и рационализма. Для своего времени он удивительно точно интерпретировал взаимодействие чувственности, рассудка и разума, представленное в трех важнейших разделах «Критики чистого разума»: эстетике, аналитике и диалектике, — как строго сис-

² Основные полемические статьи и их оценка даны в публикации З.А. Каменского в 4-м выпуске ежегодника «Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта» (Калининград, 1979. С. 107–139), преобразованного в 2008 году в специальный журнал.

темное. Вполне справедливо Андросов заметил, что непонимание, на которое жалуется Снядецкий, надо относить не на счет Канта, а на его собственный. Сам Андросов излагает Канта понятным языком, несмотря на не устоявшуюся еще терминологию, и даже не без изящества. Обращает на себя внимание суждение, что «Пифагор и до него еще Вавилоняне также утверждали, что солнце стоит неподвижно в центре нашей планетной системы; но можно ли по сей причине систему Коперника назвать *смесью старинных мудрствований*? Сказать что-нибудь и даже истину — мало значит; надобно доказать целою системою» (Андросов, 1979, с.127). Да, идеи разума есть и у Платона, но то ли они, что идеи Канта? Идеи Платона образуют собственный замкнутый мир, тогда как идеи у Канта находятся в сложных отношениях как с чувственно данной, так и умопостигаемой реальностью.

Андросов обратился к именам Пифагора и Коперника; почему не воспользоваться киником Антисфеном и Галилеем? Дела не меняет тот факт, что у Андросова *сопоставляется* сходная точка зрения Пифагора и Коперника, а у Пушкина точки зрения Антисфена-кинника и Галилео Галилея — *противопоставляются*, как противопоставляются тезис и антитезис в антиномиях Канта. Из пушкинской эпиграммы видно, что его точка зрения на познание близка андросовской. Суть дела — в системе, когда разумное, умопостигаемое не отменяет и не исключает чувственное, а находит ему место необходимого элемента системы при том условии, что *система создается только разумом*, который направляет и исправляет чувственность, а не наоборот.

3. Политика совместно с гносеологией и эстетикой

Я чувствую, что мои духовные силы достигли
полной зрелости, я могу творить.

А. С. Пушкин — Н. Н. Раевскому 30 июля 1825 года

Трагедия «Борис Годунов» занимает в творчестве А. С. Пушкина особое место. Это поворотная точка, когда понадобилась ему вся мощь его поэтического гения, когда в русской культуре родилось произведение, стоящее вне традиционных художественно-эстетических стилей, сменяющих друг друга, но неизменно устанавливающих свой канон нового стиля, творчески преобразовывающего прежний. С «Борисом Годуновым» родился в русском искусстве *индивидуально-авторский стиль*, в конкретном произведении проявил себя совершенно особый, уникальный художественный мир — художественный мир Пушкина.

В своей монографии «Э. Т. А. Гофман и И. Кант: Преодоление романтизма» (Калининков, 2012) я предложил различать в ходе эволюции искусства инновации двух родов, по аналогии с инновационными мутациями в морфологии живых организмов, введенных в теорию эволюции академиком А. Н. Северцовым. Один род инноваций аналогичен *идиоадаптациям*, поскольку здесь один стиль сменяется новым, но нет выхода за границы движения искусства в стилевых рамках вообще; второй же род инноваций аналогичен *ароморфозам*, переходу к принципиально новому состоянию искусства, когда формируется индивидуальный стиль автора, в котором все прежние формы и стили в качестве материала служат совершенно новой художественной задаче. Пушкин такую новую для искусства задачу

ставит в трагедии «Борис Годунов». Традиционно считается, что этот стиль с его новыми задачами есть реализм (Гуковский, 1957). Новые создаваемые Пушкиным художественные формы вовсе не исключают реализма, или даже критического да и социалистического реализма, но его собственный индивидуальный стиль сложнее и потенциально наполненнее новыми интенциями, в сути своей бесконечными. Становление реализма — это движение по пути художественной идиоадаптации, движение искусства по инерции к формированию нового стилевого после романтизма канона; и эти возможности тоже, разумеется, заложены в индивидуально-стилевых потенциях революционно нового состояния искусства, нимало не исчерпывая его. Из Пушкина реализм может вырасти с тем же успехом, что и, например, символизм.

Что же такое сошлось в этой трагедии, что сделало ее совершенно новым проявлением возможностей искусства?

Трагедия явилась результатом разносторонних духовных поисков, проникнутых единой целевой доминантой.

3.1. Философия политики и права

Этих разных сторон оказалось, по крайней мере, три. Во-первых, это неустанные размышления и изучение проблем философии истории и философии права. По сути дела, поэт получил специальность по этим предметам в лицее, а для России они стали актуальнейшими, особенно после войн с Наполеоном, после знакомства русской армии с преобразованной сначала революционными, а затем наполеоновскими войнами Европой. Последствия «Кодекса Наполеона» уже нельзя было выветрить никакими усилиями Священного союза. Разговоры о необходимости для России конституции удалось загнать в подполье, но даже Николай I справиться с реформистской идеологией (в России даже она звучала революционно) был бессилён: идеи, овладевшие умами, нельзя вытравить никакими полицейскими мерами.

О том, что опорой своих размышлений над актуальными политическими вопросами Пушкин находил в лицейском еще знакомстве с Кантом, свидетельствует ода «Вольность», где нашли поэтическое выражение идеи курса естественного права А.П. Куницына. В оде проводится мысль, что благополучие народа, общества прямо зависит от того, лежит ли в основе позитивного права право естественное. Общество процветает, если это так, и погружается в хаос или оцепеневает, если нет:

Лишь там над царскою главой
 Народов не легло страданье,
 Где крепко с Вольностью святой
 Законов мощных сочетанье;
 Где всем простерт их твердый щит,
 Где сжаты верными руками
 Граждан над равными главами
 Их меч без выбора скользит
 И престушенье свысока
 Сражает праведным размахом;
 Где неподкупна их рука
 Ни алчной скупостью, ни страхом (Пушкин, 2001, с. 100).

Уже здесь (на это нельзя не обратить внимание) находит выражение фундаментальная идея Кантовой философии права — только под «царской главой народов» процветает общество, только народ как целое и есть сам над собой *царь*; он (народ) суверен, властитель, над ним нет и не может быть иной власти, кроме той, которую он сам для себя устанавливает. В этом вся суть раздела «Государственное право» «Метафизики нравов». Кант говорит в нем, что нельзя путать понятия *монархическая власть* и *автократическая власть*. Если употреблять понятие «монарх» правильно, то надо вкладывать в него следующий смысл: «*Монарх* — это тот, кто обладает *высшей* властью, *автократ* же, или *самодержец*, — тот, кто имеет *всю* власть...» (Кант, 1965, с. 265). Высшая же власть — это власть законодательная, которой подчинена как власть правительственная, исполнительная, так и власть судебная. Правильно построенное государство предполагает обязательное разделение властей. Поэтому Кант здесь и пишет: «Властитель народа (законодатель), следовательно, не может быть одновременно *правителем*, так как правитель подчиняется закону и связан им...» (Кант, 1965, с. 235). «...Объединенный народ... сам *есть* суверен; ведь именно у него (у народа) в руках первоначально находится верховная власть, производными от которой должны быть все права отдельных лиц просто как подданных (во всяком случае как служащих государства)...» (Кант, 1965, с. 268).

Законы естественно-правовые обязаны сочетаться с законами положительного права при общей опоре на «Вольность святую», то есть на мораль.

Опираясь на эти положения философии права, А. С. Пушкин продолжает:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно! (Пушкин, 2001, с. 101).

Царям (и здесь уже слово это означает автократов, самодержцев), когда они властвуют законами, а не подчиняются их власти, грозит смертельная опасность, что и случилось с Людовиком XVI:

Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира (Пушкин, 2001, с. 101).

И императоры Петр III и Павел I убиты при полной безучастности народа... Закон и есть народ, молчание народа — это молчание власти, ее отсутствие, вступление в силу безвластия, анархии, зла.

Но и народу властвовать Законом — означает возвратиться к естественному состоянию, к дикости, где секира вообще может упасть на кого угодно, без разбора и цели. Опыт не только Французской революции говорит об этом. Человек стал человеком только с того момента, когда установил для себя Закон. Ведь закон «Вольности святой» — это признание самим собой над собой и для себя принятого народом закона. По сути закон свободы — это закон морали, но содержанием своим он сразу же облекается в правовую одежду, содержит в себе начала права. Он возможен только как

всеобщий акт, как акт всех, что и соответствует идее *общественного договора*, представляющей собой, разумеется, *регулятивную*, а не *конститутивную* идею практического разума, вовсе не требующую реального исторического акта.

И если уж речь зашла об оде «Вольность» и ее *философской основе*, то следует сказать, что патетическое обращение к «самовластительному злодею» имеет в виду не конкретного исторического самодержца, а автократа, тирана вообще под нарицательным именем Калигулы, любого деспота, узурпировавшего всю государственную власть. В этом случае она и не может быть надежной: государственные перевороты, сопряженные со смертью тиранов, происходят один за другим, самозванцы появляются постоянно. На страже самодержцев должен бы, согласно священному праву, стоять Господь; но и Он понимает, что имеет дело с фактическим деспотизмом, а не с правом и законом, а потому заговорщикам, как правило, даже помогает. Одно самовластье легко сменяется другим, поскольку при самодержавном строе закон предстает в качестве воли самодержца. Подлинный же *Закон молчит*, так как *молчит* находящийся не у дел *народ*, реальный носитель Права.

Проблема власти остается в центре внимания великого поэта и историка на пространстве всего творческого пути: и в «Борисе Годунове», и в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» в качестве единого исторического и художественного целого, и в «Медном Всаднике».

3.2. Проблемы гносеологии

Во вторых, важной стороной духовных интересов, тесно связанных с философией истории и права, оказалась собственно философия, сердцевина ее — гносеология. Ни история, ни право не могут быть поняты без обращения к способам их познания. Священная история и история философская, так же как священное право и теория права естественного и производного от него позитивного права, требуют универсального взгляда на мир и такого же взгляда на природу знания. Что Пушкин не только проявлял интерес, но и много занимался философией и историей философии, мы уже знаем. Его чрезвычайно занимал вопрос о познавательных возможностях искусства, о соотношении искусства и науки. Без знания познавательных способностей и их возможностей, их взаимодействия в процессе восприятия мира и его познания ответить на эти вопросы невозможно!

Пушкин очень скоро после окончания лицея осознал, что поэзия — во все не средство развлекать скучающих без серьезного дела людей, что искусство способно оказывать влияние на общественные процессы и что поэт имеет в мире высокое предназначение.

Всякий образованный, интеллигентный человек обязан содействовать совершенствованию мира, но художник, поэт располагает здесь особыми возможностями. Природа этих возможностей и их границы — вопрос философский, а потому философия всегда Пушкина интересовала.

В готовящейся им статье «О народной драме и драме Погодина «Марфа Посадница», задаваясь вопросом: Что нужно драматическому писателю? — Пушкин отвечал: «Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения. Никакого предрассудка, любимой мысли. *Свобода*» (Пушкин, 2001, с. 1342). Философия недаром стоит здесь на первом месте. Важность и значимость ее не только в ней самой,

и во всех остальных нужных драматическому писателю качествах она присутствует составляющей их частью. *Бесстрашие* — качество философское, *догадливость* и *живость воображения* подталкиваются и питаются философией, *государственные мысли историка* требуют такой степени обобщения, какая без философии не возможна, не говоря о *свободе* — явлении морально-философском. Все эти соображения поэт развивал явно в связи с работой над трагедией «Борис Годунов», они были насущно актуальны, так как трагедия была реализацией совершенно новых возможностей жанра, требующей нового метода, новой стилистики.

Волей-неволей возникала необходимость сравнения философии французского Просвещения с новомодной немецкой. Вот что писал Пушкин в своем «Современнике» в полемической статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной», отмечая, что поэзия наша «более и более дружится с поэзией германскою»: «Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее влияние их было плодотворно и час от часу становится ощутительно» (Пушкин, 2001, с. 1221).

Еще раньше мысль о благотворности немецкой философии сформулирована была в «Путешествии из Москвы в Петербург» (Пушкин, 2001, с. 1367). Что речь идет прежде всего о кантовской философии, ясно уже из характеристики малопонятности и эзотеричности языка, на котором обсуждались проблемы философии в московских журналах. Не думаю, чтобы этот язык был для Пушкина непонятен. Теорию научного познания освободил от эмпиризма также Кант. Он здесь во всем первый. Уж если речь идет о германской философии, Кант в этом дискурсе никак отсутствовать не может. Имена Фихте и Шеллинга также не раз упоминаются Пушкиным, однако ясно, что при этом Кант всегда присутствует, и не только в уме... И в текстах: и художественных, и публицистических.

3.3. Эстетика и философия искусства

Наконец, в-третьих, для создания великой трагедии, может быть, даже решающую роль играли размышления ее автора над проблемами общественно-исторической действительности искусства; следовательно, над проблемами философской эстетики, риторики и поэтики. Вполне возможно, что эта третья составляющая факторов, благоприятствующих успеху, была главенствующей. В тех же подготовительных набросках «О народной драме и драме Погодина «Марфа Посадница», которые можно рассматривать как итог раздумий поэта, приведших к осуществлению трагедии, есть часто цитируемые слова: «Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда; мы все еще повторяем, что прекрасное есть подражание прекрасной природе и что главное достоинство искусства есть польза» (Пушкин, 2001, с. 1342).

Слова эти удостоверяют с ясностью, что написаны они после обстоятельного знакомства с «Критикой способности суждения». Именно в ней, вопреки не только классицистской эстетике, но и эстетике романтизма,

развита идея, согласно которой не природа дает нам понятие *красоты*, но само это понятие формирует представление о красоте природы. Без искусства, вне его и помимо его невозможно видение прекрасной природы. Только в лоне искусства, только с его помощью приходит осознание красоты природных пейзажей, природных феноменов, служащих натюрморту. В этой же своей «Критике...» Кант решительно воспротивился мысли об утилитарном назначении искусства, о *пользе*, якобы и образующей понятие красоты. Его идеи «целесообразности без цели», «самоцельности» искусства стали для Пушкина руководящими принципами. *В искусстве решающую роль играет идеал поэта, соотношенный с истиной реальности.* К этому положению приходит величайший наш художник. По мысли А. А. Фета, А. С. Пушкин не просто поэт, но *поэт-мыслитель*. Опираясь на идеи «Критики способности суждения», он приходит к чрезвычайно важному, пожалуй основополагающему для искусства, тезису: истина факта, *правдоподобие*, не есть истина искусства, которая, если она действительно — истина, несет в себе суть множества фактов, *суть исторической жизни народа*. Именно это Пушкин имеет в виду, когда пишет: «Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (Пушкин, 2001, с. 1342). Оно, правдоподобие, есть результат сиюминутных впечатлений художника, руководимых всегда его непосредственным пониманием жизненной ситуации. Вот почему Пушкин пишет далее: «Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век *во всей его истине*» (курсив мой. — Л.К.) (Пушкин, 2001, с. 1345).

Хоть и пишет в данном случае Пушкин о драматическом искусстве, о трагедии, но суждения его относятся к искусству как таковому во всех его формах и жанрах. Для «Бориса Годунова» он выбрал театральный жанр из-за его исторической и поэтической специфики. Он хотел обратиться не к одной только образованной публике и быть понятым как можно более широкой ее массой, но и к простому народу, к мещанской его части, как минимум.

Тот факт, что это максимально народный вид искусства, что «драматическое искусство родилось на площади» (Пушкин, 2001, с. 1340), сыграл здесь свою решающую роль. Поэт хотел быть понятым как можно более широкой публикой и понят не со стороны правдоподобия, а со стороны *всей истины* происходивших (и происходящих!) событий. Правдоподобие эмпирично, фактично, истина же искусства — это всегда идеальная мысль поэта, результат *теоретических раздумий* над художественным сюжетом, за которым система отношений, непосредственно чувствам не данная.

В трагедии это отношения «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная» (Пушкин, 2001, с. 1342), которые без философии не могут быть ни восприняты, ни поняты и которые поэт все же обязан сделать понятными для той аудитории, что в состоянии понять его намерения.

Сама философия, конечно, должна быть хорошей философией, какой и оказывается немецкая классическая философия. Пушкин погружается в ее освоение с начала 20-х годов XIX века; лицей не мог обеспечить хорошее ее знание хотя бы уже потому, что в обществе в целом значение немецкой

философии осознается в те же 1820-е годы, когда уже из Канта выросли и Фихте, и Шеллинг, появились ранние работы Гегеля. Уже достаточно основательно познакомившись с нею, Пушкин мог написать: «Ничто не могло быть противоположеннее поэзии, как эта философия, которой XVIII век дал свое имя» (Пушкин, 2001, с. 1322). Философия Просвещения оказалась слишком однобокой и поверхностной, в чем вина прежде всего ее *эмпиризма*. Она непримиримо сражалась с наличным положением дел во французском обществе, призывая общество решительно изменить это положение. Она не задумывалась над тем, что будет дальше, полагая, что все само собой образуется и мир, совершив re-evolution, вернется к золотому веку.

Опираясь на этот эмпиризм, французская литература реалистически основательно описывала пороки феодального общества и абсолютистского государства. «Персидские письма» Монтескьё, «Монахиня» Дидро, страдания Юлии и Сен-Пре в романе Руссо, не говоря уже о Вольтере-художнике, дают самую правдивую характеристику состояния государства и общества.

Однако слишком плоской оказалась как философия, так и искусство. Уже во Франции XVIII века, а тем более во второй его половине, можно было видеть фактически наличествующими и достоинства и пороки нового строя, который уже готов прийти на смену старому; но, чтобы только увидеть их, нужно осознанно философски исходить из примата умопостижаемого над чувственно-непосредственным, априорно-теоретического над фактуально-эмпирическим. Просветители-философы, просветители-художники имели противоположную точку зрения. Для всматривания в историческую глубину она не годилась: что все кончится тем же, с чего и началось, — власть реставрированных Бурбонов, — это было за ее горизонтом.

Изучивший историю Французской революции А. С. Пушкин понял: совершивший революцию народ Франции не стал обладателем плодов революции.

4. «Невысказанный» смысл трагедии «Борис Годунов»

Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого, торчат!

А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому. Около 7 ноября 1825 года

Трагедия А. С. Пушкина изучена, проинтерпретирована и прокомментирована со всех возможных сторон литературоведами самыми высококвалифицированными, и тем не менее интерес к ней не иссякает да и не может иссякнуть. Великая классика остается образцом и каноном прежде всего бесконечностью вложенных в нее смыслов, над ней не властно время. Это и есть ее главная тайна: как можно быть актуальной для своего времени и оставаться таковой всегда, на все времена?

Я уверен, что к тайне этой причастна философия, *философские раздумья и поиски* гениев великих творений искусства. Со времен Платона известно, что только идеи вечны, не вещи, не люди — только эйдосы их разума. Платон также полагал, что идеи неизменны и постоянны, но в этом можно уже усомниться. Не накапливают ли идеи энергии все новых и новых умов, которые и являются местом их обитания? Даже если считать, что ядро идеи —

всегда одно и то же, однако обрастает же оно оболочкой, покрывается же все более растущей и уплотняющейся кожей, взаимодействуя со средой своей? Идея свободы в разуме Платона и идея свободы теоретического разума (она же постулат разума практического) в разуме Канта явно не одна и та же. Видимо, и не были бы идеи вечными, не будь этих энергий бесконечной череды умов.

К идеям философии прикасаются умы великих художников, в которых философские идеи расцветают какими-то новыми цветами, обретают новую для философии среду.

Вернемся же к пушкинскому «Борису Годунову». Изучая трагедию с самых разных сторон, выдающийся филолог Г. О. Винокур обратил внимание на «тот многозначительный факт, что у Пушкина "народ" значит как отдельный персонаж в списке действующих лиц... и в таком же качестве фигурирует в авторских ремарках трагедии» (Винокур, 1999, с. 325). Обстоятельно развил эту идею академик Д. Д. Благой. Он писал: «Самым важным и значительным в идейной концепции пушкинской трагедии является та исключительно важная, можно сказать, единственная в своем роде во всей предшествовавшей и современной Пушкину мировой драматургии, роль, которая отводится им народу» (Благой, 1950, с. 464). Не Борис Годунов, не самозванец Григорий Отрепьев — главные герои трагедии, хотя она и названа именем царя; главный ее герой — народ. «Трагедия борьбы личностей, — писал Благой, — превратилась в трагедию совсем нового типа, трагедию, раскрывающую "судьбу народную"» (Благой, 1950, с. 489), то есть эпическую по складу своему, трагедию-эпопею.

Важнейшая эта мысль проведена Пушкиным всею композицией произведения, обладающей, по словам Д. Д. Благого, «прямо-таки стальной прочностью». И наблюдения Д. Д. Благого над особенностями композиции подтверждают ее: «Так, в начале трагедии непосредственному появлению перед зрителем самого Бориса предшествуют три сцены: одна — боярская... и две народные; три же сцены, и тоже одна боярская... и две народные даны поэтом в конце трагедии, после смерти Бориса. Равным образом самозванец появляется в первый раз пред зрителем в пятой сцене от начала, в последний раз — в пятой сцене от конца. <...> Таким построением, — делает он вывод, — лишний раз подчеркивается, что ни Борис, ни самозванец не являются главными героями пьесы, что "Борис Годунов" Пушкина — трагедия социальная» (Благой, 1950, с. 489), и я добавляю — философская.

Д. Д. Благой считает, что народ взролеет на пространстве пьесы: «Если вторая народная сцена начала заканчивается восторженными кликами народа, приветствующего нового царя ("Борис — наш царь! Да здравствует Борис!"). — Л. К.), — вторая народная сцена конца завершается недвусмысленным и грозным безмолвием народа» (Благой, 1950, с. 490). — Однако с выводом этим согласиться нельзя. Взролеет ли? «Народ безмолвствует», этим решена судьба самозванца (предсказанная ему троекратным вещим сном еще в стенах Чудова монастыря), но далее-то что? Ведь далее — избрание нового царя, и все повторится?! Ведь будет самозванец Пугачев, будет 25 декабря... Мудрый Борис это уже давным-давно знает:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых... (Пушкин, 2001, с. 523).

Самодержавная власть и народ — враги. Прав Г. А. Гуковский, когда пишет о Пушкине, что «он хочет решить вопрос в принципе, не вопрос о данном царе, а вопрос о самодержавии в целом, — и этот вопрос он решает, опираясь на "мнение народное" (Гуковский, 1957, с. 19) в том смысле, будто бы в идейном борении "царя и народа" в "Борисе Годунове" — побеждает народ» (Гуковский, 1957, с. 25).

Но побеждает ли? Ведь Пушкин заканчивает трагедию до исторической развязки событий знаменательным финалом «Народ безмолвствует» обдуманно: как народ, так и зрители остаются в неопределенном и нетерпимом положении, заставляющем думать...

Замена финальной сцены — народа, кричащего здравицу царю Дмитрию Ивановичу, на безмолвствующий народ — это великолепная находка Пушкина. Она высветила идею его ярчайшими софитами, оказалась тем последним штрихом, при котором идея трагедии засветилась изнутри.

Пушкин — великий художник — сделал своей трагедией совершенно очевидной ту мысль, которая задолго до трагедии нашла выражение в оде «Вольность»: народ и есть носитель всей полноты государственной власти, именно народ и есть *монарх*: любой царь обращается в ничто, стоит лишь народу не признать его таковым.

А вместо этого он бесправен, унижен, забит, безнаказанно ограбляем, лишен последней своей воли (с отменой Юрьева дня)...

Но не в этом суть трагедии по сравнению с «Вольностью» — она в том, что во всем этом народ сам и виноват: он сам отдает существенное в себе, что делает его народом, — власть законодательную. Трагедия в том, что *народ даже этого не осознает, он не знает, что он власть*. Безнадежный патернализм народа —

О Боже мой, кто будет нами править?
О горе нам! (на коленях. Вой и плач).
Ах, смилуйся, отец наш! Властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь! (Пушкин, 2001, с. 518) —

сознание, что власть от Бога и выпадает его избраннику, — вот в чем величайшая трагедия народа русского. Кант назвал это «несовершеннолетием по собственной вине»: «Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого» (Кант, 1966, с. 27). «Леность и трусость» — главные причины этого, считает Кант; но Пушкин видит еще более глубокую причину. Она, конечно же, не «в недостатке рассудка», но в ущербности его содержания — в глубочайшем невежестве народа.

Излечение же от этих органических для истории русского народа болезней, — во-первых, осознание, что он и есть власть и, во-вторых, приобретение мужества этим знанием воспользоваться, — дело непростое и нескорое по историческим меркам. Затевая революционные реформы, это надо иметь в виду, предупреждает Пушкин своих друзей-декабристов, надо эти реформы готовить: семь раз отмерь... Чтобы народ понял, что жить надо в *правовом государстве*, учредив для себя конституцию, надо долго этот народ воспитывать. Сейчас же, когда народ полностью лишен власти, ему или нет до нее никакого дела: велят заплакать — помажем слюной глаза, или будет он терпеливо ждать манны небесной от этой власти.

А это и есть та ситуация, когда созданы все условия для дворцовых переворотов, воцарения самозванцев, появления на царском престоле самых наглых из интриганов, подобных князю Василию Шуйскому. При этом передача престолонаследия от отца к сыну, династический принцип, ничем не лучше этих, так называемых *противозаконных*, способов обретения власти. Властная чехарда на русском престоле не прекратится еще долго, еще долго пребывать народу русскому в условиях неправового общества — вот неутешительный вывод Пушкина в «Борисе Годунове», вот в чем величайшая трагедия русского народа.

Как видим, Пушкин в его трагедии не только сам руководился государственно-правовой идеей — *кантизмом*, но стремился сделать ее абсолютно очевидной: только народ — *монарх*, только он источник всей полноты государственной власти и единственный носитель власти законодательной. Беда народа, что он этого не знает, и обязанность образованного сословия сделать это народу известным, учить и воспитывать его. Вне этого народного самосознания нет и не может существовать права как такового — есть только деспотизм, только тирания.

Список литературы

1. *Алексеев М.П.* К источникам «Подражаний древним» Пушкина // Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.
2. *Андросов В.П.* Замечания на прибавления к статье о философии // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1979. Вып. 4.
3. *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1813–1826). М. ; Л., 1950.
4. *Винокур Г.О.* Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999.
5. *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.
6. *Калинников Л.А.* Э.Т.А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма. Калининград, 2012.
7. *Кант И.* Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?» // Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6.
8. *Кант И.* Метафизика нравов // Там же. М., 1965. Т. 4 (2).
9. *Марков А.* Кант в русской поэзии (рец.) // Новое литературное обозрение. 2009. №95.
10. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в одном томе. М., 2001.
11. *Снядецкий Ян.* Общие замечания по предмету науки об уме человеческом и общий взгляд на состав Кантовой науки // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 4. Калининград, 1979.
12. *Томашевский Б.В.* Пушкин. Кн. первая (1813–1824). М. ; Л., 1956.

Об авторе

Леонард Александрович Калинин — доктор философских наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, kant@kantiana.ru

KANT'S FUNDAMENTAL IDEA OF STATE AND LAW IN PUSHKIN'S BORIS GODUNOV

L. Kalinnikov

The tragedy Boris Godunov occupies a unique place in A.S. Pushkin's oeuvre. It was a turning point, when the author needed the whole power of his poetical genius, when a work beyond traditional literary and aesthetic styles, which interchange and establish a canon of a new style that

transforms its predecessors in an act of creativity, appeared in Russian culture. Boris Godunov marked the birth of an individual author's style in Russian art. A unique literary world – the world of Pushkin – manifested itself in a work of art.

This article sets out to prove the influence of Kant's philosophical and legal ideas on A.S. Pushkin during the poet's work on Boris Godunov. Kant's thought that the people is the only monarch and that legislative power is vested in it in a rule-of-law state is the central idea of the tragedy. When working on Boris Godunov, Pushkin not only studied the Critique of Judgement but he also read Kant's works on epistemological theory. In his tragedy, Pushkin was guided by Kant's ideas of state and law and strived to make it obvious that the people is the only monarch and source of political and legislative power. The tragedy of the people is that it does not know it and the mission of the educated class is to make the people aware of its powers and educate it. Law cannot exist beyond the people's consciousness – everything else is despotism and a tyranny.

Key words: principles of state and law, monarch, Kant's Metaphysics of Morals, epistemology of art, Boris Godunov tragedy.

References

1. Alekseev M.P., 1984, K istochnikam «Podrazhanij drevnim» Pushkina // Alekseev M.P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin. Comparative historical research]. Leningrad, «Nauka».
2. Androsov V.P., 1979, Zamechaniya na pribavleniya k stat'e o filosofii // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta. Vyp. 4* [Questions theoretical legacy of Immanuel Kant. Vol. 4], Kaliningrad.
3. Blagoj D.D., 1950, *Tvorcheskij put' Pushkina (1813–1826)* [Creative way of Pushkin (1813–1826)]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing.
4. Vinokur G.O., 1999, *Commentarii k «Borisu Godunovu» A.S. Pushkina* [Comments to "Boris Godunov" A.S. Pushkin]. Moscow.
5. Gukovskij G.A., 1957, *Pushkin i problemy realisticheskogo stilya* [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow.
6. Kalinnikov L.A., 2012, *E.T.A. Gofman i I. Kant. Preodolenie romantizma* [E.T.A. Hoffmann and I. Kant. Overcoming Romantic]. Kaliningrad.
7. Kant, I. 1966, *Otvet na vopros: chto takoye Prosveshcheniye* [Answering the Question: What Is Enlightenment?], in *Kant, I. Sobranie sochineniy v 6 tomah* [Collected works in 6 volumes], vol. 6, Moscow.
8. Kant, I. 1965, *Metafizika nravov* [The metaphysics of morals], in *Kant, I. Sobranie sochineniy v 6 tomah* [Collected works in 6 volumes], vol. 4(2), Moscow.
9. Markov A., 2009, *Kant v russkoj poehzii (rec.)* // *Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, №95* [New Literary Review, 2009, №95].
10. Pushkin A.S., 2001, *Poln. sobr. soch. v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. Moscow.
11. Snyadeckij Yan, 1979, *Obshchie zamechaniya po predmetu nauki ob ume chelovecheskom i obshchij vzglyad na sostav Kantovoj nauki* // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta. Vyp. 4* [Questions theoretical legacy of Immanuel Kant. Vol. 4], Kaliningrad.
12. Tomashevskij B.V., 1956, *Pushkin. Kn. Pervaya (1813–1824)* [Pushkin. The first book (1813–1824)]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing.

About the author

Prof Leonard Kalinnikov, Department of Philosophy, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru